

ЛУВСАНДОРЖИЙН УЛЗИЙТУГС

[174]

ИЛ 4/2019

Слепая

Перевод с монгольского Эрдэмбилэг Сэнгээ

“ДАВНЫМ-ДАВНО, жили-были... — потом люди начнут рассказывать эту историю, — старик со старухой и была у них дочь...”, — повествовать будут, словно были очевидцами. А я вам скажу, что я действительно была при этой истории, не только все видела, все слышала, но и сама поучаствовала в зарождении этой сказки.

Теперь я знаю, как слагаются сказки и легенды. Герои легенд не находятся где-то в сумрачной дали, покрытые пылью давно прошедших времен, а живут среди нас, в самом что ни есть реальном времени. Мы сами, с умыслом или без умысла, способствуем зарождению дивных историй и сказок, имеющих либо счастливый, либо печальный конец.

Я ручаюсь перед вами, читатель, что история, которую я вам собираюсь рассказать, творилась перед моими глазами. Печальная это будет сказка.

Ее звали Эгэ, в последующие времена про ее красоту будут говорить так: “Когда с улыбкой повернется к людям, люди удивятся, неужто весна наступает, хоть на улице осень; когда

отвернется с улыбкой, люди засомневаются, не цветы ли распускаются, хоть и падает снег. Такая уж она была во все времена лучезарная, сияющая, ласковая...”

Много лет наши юрты соседствовали, случалось делиться с соседями и последним глотком чая. Многого я не расскажу о старике со старухой, скажу лишь, что они ради единственной дочери готовы были жизнь положить. На склоне лет, когда живут только воспоминаниями, они по утрам вставали с постели ради Эгэ, по вечерам ложились чтобы назавтра снова встать ради Эгэ. Ведь когда подступает время отправляться на вечный покой в каменную юрту, человек цепляется за жизнь ради детей. Ради чего же еще...

1

Солнце восходит, солнце заходит, снова восходит... Тем временем Эгэ подрастает, от солнца к солнцу расцветает.

Настал час, когда все земляки, всем аймаком, всем суманом¹ воздали должное красоте Эгэ. Наперебой с восхищением говорили о бесценной жемчужине, подрастающей на руках почти нищих стариков: “Ох какие локоны, ох какое личико...”, “Ну что за очи ясные, ну что за зубки жемчужные!”, “Как чудосочный старик такое сокровище сотворил...”, “Как сморщенная старуха такую красавицу породила”.

Молодцы наведывались к ней, но, оробевшие и ослепленные ее красотой, возвращались, не в силах слово ладное промолвить. Так наше стойбище по причине красоты Эгэ стало местом паломничества гостей разных, запыхлилось под ногами путников пришлых, превратилось в поприще для праздников всевозможных.

Эгэ настало шестнадцать лет.

Престарелый отец смастерил дочке флейту. Бамбуковый кнут – единственная роскошь молодых лет старика, превратился в чудную вещь, издающую изумительные звуки. Эгэ на удивление быстро выучилась играть на флейте. А престарелая мать... Отсюда сказывается вся эта история. Печальная история.

Вознамерившись порадовать свое единственное сокровище – дочку ненаглядную, – рылась, рылась старушка в своем сундуке, искала, искала да извлекла наконец завернутое в хадак² бронзовое зеркальце.

1. Суман – административная территория. (Здесь и далее – прим. перев.)

2. Шелковый шарф, используется для торжественных случаев и религиозных обрядов.

Возрадовалась Эгэ бронзовому зеркальцу более, чем флейте. Из юрты в юрту вихрем влетала, улыбкой кругом всех озаряла, показывала зеркальце, счастливо смеялась. Но оказалось, что это был последний день беззаботной жизни нашей Эгэ.

Целый день просидела Эгэ в тени юрты, натирая бронзовое зеркальце. Сидела себе, да все натирала и пела, и от пения радость ее расходилась повсюду.

В тот день все стойбище улыбалось, разделяло радость нашей Эгэ...

Наступал вечер, солнце заходило.

Но вдруг веселая мелодия жизнерадостной песни оборвалась. Оттуда где сидела Эгэ, раздался вопль, чужой голос вскричал: “Ма-а-а-а-а!”

Последние лучи заходящего солнца, отразившись в зеркальце, протертом до невиданного блеска, ослепили Эгэ. Сплошным бельмом затмились прекрасные очи.

2

В тот день не только внутри Эгэ, но и внутри старика со старухой навеки погасло солнце. Теперь Эгэ все время сидела около юрты и флейта ее плакала целыми днями. Она ни с кем не разговаривала. С того дня никому не довелось увидеть ее улыбку.

Но по мере того как она выросла, ее красота все прибавлялась. Бог, видимо, за слишком свой жестокий поступок решил ее щедро возместить красотой. Незрячая Эгэ становилась красавицей доселе невиданной.

Ослепнув, она перестала общаться с людьми, отвергала любые попытки разговаривать, никто уж не подходил к ней, наглухо замкнулась она в себе. Единственным исключением была я, только мне позволялось обменяться с ней несколькими словами. Ослепнув, она ни разу не обронила слезу, горестных слов от нее не слышали, словно была равнодушна к печальной своей судьбе. Теперь не то что молодежь, но даже почтенные старцы из наших краев стали ее побаиваться. Даже мой отец, проходя мимо нее, голос понижал, шаги смягчал, телом съеживался. Хоть и не поубавилось приезжих молодцов, крутящихся вокруг нашего стойбища, она никого не обнадежила, никто не смел дотронуться до ее руки. Если бы не безмерная печаль, изливающаяся из ее флейты, смотрелась она гордой, была невозмутима и, казалось, даже преднамеренно сама себя ослепила.

Эгэ была ровно на два года старше меня. Когда Эгэ была еще зрячей, она всегда мне расчесывала волосы. Теперь, когда она ослепла, косы расчесывала ей я. И даже тогда, когда ей расчесывали волосы, с флейтой она не расставалась. Из флейты Эгэ

слышалось пение птиц, посвист ветерка, журчание студеного ручейка, но постоянно, где-то в глубине, слышалась и затаенная грусть.

Я достигла шестнадцати лет. Однажды, когда я проходила мимо Эгэ, она опознала меня по шагам и знаком подозвала к себе. Затем извлекла из рукава новенькую, бамбуковую флейту и подала мне. Так мы начали вместе наигрывать мелодии, воплощаясь в птичек, в дождичек, в ветерок.

Услышав звуки наших флейт, тот, кто сидел, так и застывал, а тот, кто был верхом на коне, застывал на коне.

3

Как-то осенью, хромоногий Дорж гуа¹ спешился у нас на коновязи. Всю ночь он проговорил с моим отцом и матерью, а наутро возвратился к себе. Три дня спустя к соседней юрте прискакали десяток людей, молодых и пожилых. С того дня начались новые страдания для старика со старухой, наступили бесконечные дни, пропитанные их слезами.

Первенец хромоногого Дорж гуа, тоже хромоногий Дамби возжелал жениться на Эгэ. Старик со старухой не чуяли ног от радости такой.

“Хотя нет у нее очей, чтобы видеть свет Божий, зато будет муж, чтобы совместно жить... Счастье какое пришло, и ребенок появится, будет ей за чью руку держаться”, — радовалась старушка-мать.

Но эти нехитрые слова, вырвавшиеся из уст старухи-матери, не нашли должного отклика в душе Эгэ. Она стояла, ощущая на себе взоры обращенных к ней людей, чувствовала, как все ожидают от нее радостного согласия. Но она долго, непонятно молчала. Потом ледяным тоном произнесла: “Нет!” Притом с такой силой стиснула флейту, что та переломилась.

Бедняга Дамби, не ожидавший такого ответа, пораженный сломанной флейтой, не проронил ни слова, взлетел на коня и умчался прочь. Отец Дамби сидел некоторое время, глядя вслед удаляющемуся сыну, и, наконец, мрачно промолвил:

— Ну что ж, дело твое, доченька. Просили твою руку не оттого, что не нашлось другой девушки, а оттого, что сострадания к тебе имелось в наших сердцах.

Затем, на удивленье, почти не хромая, подошел к своему коню, вскочил на него, гаркнул и что было мочи стеганул коня и исчез вдали. Эхо от его крика долго еще не стихало.

1. Уважительное обращение.

Старик со старухой остались сидеть друг против друга, беззвучно роняя слезы, как в тот самый день, когда их дочка ослепла.

[178]

ИЛ 4/2019

4

После этого события, еще трижды приезжали просить ее руки, но всем было отказано. Сначала поговаривали, что хромоногий Дамби был отвергнут по причине своей хромоты, но впоследствии подобное предположение сменилось разными вымыслами, зачастую полными насмешек и оговоров. Уж заметно поредело молодцы, охочие заходить к нам на стойбище.

Но Эгэ, будто бы наперекор всему, все более хорошела — да что там мужчины, даже женщины охочи были пребывать под сиянием ее красоты.

На новой флейте, которую ей смастерил отец, она стала играть еще искуснее. Но старик со старухой, на коленях умолявшие ее выйти замуж, смирились, что их дочери никогда не стать кому-то невесткой.

В час таяния снегов, с приближением дыхания весны, наведаясь к старикам на постой юноша Дэрмэ из чужого края, принес он старику устное послание и немного денег от его дальних родственников.

Едва прибыв к старикам, даже не успев спешиться, он сразу же заприметил Эгэ, сидящую возле юрты со своей флейтой неразлучной, и сердце его ею пленилось.

Как человек издалека Дэрмэ ничего дурного или хорошего не слыхивал о Эгэ. Он напрямик подсел к нашей красавице, к богине нашей, к которой никто, кроме меня, не осмеливался подходить, и воскликнул: “Ты изумительно играешь! Кто ты, мастерица? Назови имя свое”.

И схватил потными, огрубевшими руками запястье ошеломленной Эгэ и попросил продолжать играть. “Еще раз сырай”, — с жаром повторил он.

Мы все застыли на своих местах, с тревогой устремив наши взгляды на Эгэ, в ожидании услышать ее гневный отпор.

Но произошло неожиданное, такого даже во сне не приносится.

Эгэ несколько мгновений сидела в полном молчании, потом резко вырвала руку из ладоней Дэрмэ. Я вся съежилась, казалось сейчас она размахнется и отвесит пощечину пришельцу. Но Эгэ плавно поднесла руку к его лицу, стала ощупывать его, осторожно поглаживать. Потом поднесла флейту к

губам и понеслись звуки ветра, шелест трав, пение птиц и звуки слез радостно плачущей флейты.

5

[179]

ИЛ 4/2019

С того самого дня сокровенная мечта стариков обзавестись зятем, казалось бы, исполнилась.

Дэрмэ стал для них своим человеком. Ветхая юрта стариков, в которой навсегда воцарилась унылость и веяло холодом, наполнилась теплом, словно впавший в долгую, болезненную спячку человек пробудился, и все вокруг пробудилось вместе с ним.

Посторонний принял бы Дэрмэ ах¹ чуть ли не за слугу всех наших айлов. С утра до вечера он занимался скотом, гонял лошадей на водопой, выделывал из сыромятных ремней лошадиные недоуздки и путы, подвозил дрова, никого не обделял помощью. Бывало, улучив момент, выстирает одежду стариков и даже чулки Эгэ. Наше небольшое стойбище, всего несколько юрт, вечно нуждавшееся в работниках, не могло представить свою жизнь без Дэрмэ, он стал для нас нашими руками и ногами. Был он не только трудолюбив, но общителен и весел, всегда искрился улыбкой. Все мы привыкли к нему, полюбили его.

Однажды я повела Эгэ на берег реки Улзийт. Вымыла ей волосы, заплела косы, она начала играть на флейте. Тут к нам подъехал Дэрмэ ах. Выглядел он не так, как обычно, вид имел серьезный, поглощен был какими-то своими мыслями. Мне показалось, что он хочет побыть с Эгэ наедине, я оставила их, вернулась к стойбищу.

Вечером Эгэ мне прошептала: “Сана, мне надо с тобой поделиться”.

Мы договорились встретиться у груды сушеного кизьяка, когда луна поднимется и заглянет в юрту.

Там, около сушеного навоза, Эгэ поведала мне новость, мучившую ей душу целый день: Дэрмэ ах попросил ее руки.

6

Делясь своей тайной, Эгэ не была похожа на ту слепую, которую мы знали. Говорила много и бессвязно, голос менялся, пальцы, вцепившиеся в мои руки, дрожали. Я впервые видела ее такой взволнованной и сперва даже обеспокоилась. Но когда она наконец выговорилась, я от всей души порадовалась за нее.

1. Уважительное обращение.

– Выходите замуж за Дэрмэ ах, иначе и быть не может! Добрый он молодец, как хорош он и ласков, – стала уговаривать я ее.

У Эгэ навернулись слезы на глазах.

– Да, Сана, конечно, выйду за него, а как же еще... за Дэрмэ... – роняя слезы, шептала она.

Так мы долго просидели, тесно обнявшись, подталкивая и тормоша друг друга, от переполнявших нас чувств всплакнули, иногда беспричинно смеялись, потом опять всплакнули.

Эгэ глубоко, умиротворенно вздохнула, словно от тяжкого бремени освободилась и напоследок наказала:

– Пока держи язык за зубами, никому не проговорись.

Наутро я проснулась от мелодии флейты Эгэ. Мы привыкли к ее звукам. Однако на этот раз нечто странное было в этой мелодии: мелодия та же, но слышится по-иному. Я приподнялась на кровати, прислушалась. Заметила, что мой отец с матерью так же внимательно прислушиваются к мелодии из соседней юрты.

Знакомая мелодия. Очень знакомая, однако... ну конечно! Грусти, грусти не было в этой мелодии.

– Мама, вы слышите? Эгэ...

Тут отец с улыбкой прервал меня:

– Да, наша Эгэ преобразилась...

Все наше стойбище жило ожиданием объявления предстоящей свадьбы, каждый айл принялся готовиться к торжеству. Хотя я никому не рассказывала, все уже знали, что случилось.

Моя мама из зеленого шелка с цветочным узором, из которого она собиралась сшить мне дэли, принялась кроить дэли для Эгэ. Я выпросила у мамы кусочек этой ткани и принялась вышивать для Дэрмэ далин¹, пусть моя Эгэ подарит ему в день свадьбы.

Старуха-мать от радости лишилась сна, сидеть спокойно не могла, то выходила, то заходила в юрту. Старик время от времени исчезал куда-то, возвращался усталый, с кожаной сумой, набитой чем-то доверху. А Дэрмэ ах! Пуще прежнего рассветился, весело расхаживал по стойбищу, с его лица не сходила радостная улыбка, щеки пылали румянцем, словно у девушки.

В таком трепетном ожидании мы провели более месяца, скоро уж лето кончится, осень подходит – самая свадебная пора!

1. Расшитый мешочек для табакерки, который носят за поясом.

Как-то Эгэ напросилась пойти со мной вместе выпасать овец. Мы взялись за руки. Я осторожно вышагивала, приноравливаясь к ее неуверенным шагам. И тут она попросила:

— Расскажи мне Сана еще раз про Дэрмэ.

— Дэрмэ ах... ну вправду прекрасный человек, добрейшей души, всем помогает. Я никогда не встречала такого, как Дэрмэ ах. Все делает по совести, от души. Всякая работа спорится у него в руках, никогда ни на что не жалуется. А какой он сильный! Видела бы ты, как он арканит лошадей. Любого необъезженного жеребца, строптивного, словно жеребенка малого, за арканит, усмирит.

— Вот как?

— В точности говорю. Мои мать с отцом, дядя Галсан, Пунцаг ах и даже Уна — все рады Дэрмэ. Мой отец каждый раз, с уважением покачивая головой, повторяет: “Парень что надо, порода видна”. Давече сказал он маме, что решил отдать Дэрмэ нашего гнедого с белой отметиной, мол с утра до вечера работает на нас, негоже чужое дите обижать, надобно отблагодарить. Да и обращается он с лошадьми ласково, как положено.

— Тебе он нравится?

— Дэрмэ ах очень мне нравится, вам здорово повезло, Эгэ. Им только восхищаться можно.

Эгэ пожала мне руку, ее лицо засветилось улыбкой.

— Ну а лицом он как? — продолжала она меня расспрашивать.

— Как же мне его описать, ну погодите...

— Опиши мне его лицо, словно я сама его вижу, чтобы я ясно представила, сделайся моими глазами.

— Описать, чтобы вы как бы увидели его, нет я не смогу так.

— Ну давай Сана, с головы до ног... опиши мне его.

— Как?

— А вот так, с головы до ног, начиная с волос, какого цвета у него волосы?

— Волосы? Волосы у него совсем, совсем черные, вточь, как у Уны.

Услышав про Уну, Эгэ улыбнулась.

— Но не вьющиеся, как у Уны, а еще он немного лысоват.

— Что-о?!

— У Дэрмэ ах широкий, высокий лоб, повыше лба он слегка плешив.

Эгэ помолчала, дернула меня за руку, тихо прошептала:

— Ну а дальше...

— Лицо у него загорелое, как у моего отца.

– У Дэrmэ черное лицо, как у твоего отца?
– Мой отец не черный, летом только сильно загорает.
– Ладно, пусть будет так.
– Брови у него густые, вместе сходятся, у Дэrmэ ах очень красивые брови.

– Глаза?

– Ах да, глаза. Ну, он немножко косоглазый.

Услышав это, Эгэ тихонько вскрикнула, и, как бы устыдившись этого, прикрыла рот. Потом опустила на землю. Я встревожилась.

– Что случилось, Эгэ?

Она не ответила. Я уселась рядом и, ни о чем не подозревая, продолжала:

– Но его косоглазие не всегда заметишь, только если близко подойдешь и посмотришь прямо на него, а он смотрит мимо тебя куда-то в бок. А так он не такой уж косоглазый, ну еще кривоногий... А вообще-то он красивый.

Эгэ больше не промолвила ни слова. Кажется, больше она не слышала мои слова. Извлекла свою флейту и принялась по-странному наигрывать.

8

Назавтра, увидев Дэrmэ ах, я едва узнала его. За одну ночь он почти что в старика превратился. Пышущее здоровьем и отблескивающее бронзовым загаром лицо Дэrmэ ах как не бывало. Оно посерело и осунулось. Бесследно пропала его всегдашняя улыбка, его брови вразлет орлиных крыльев поникли и угрюмо сплелись на переносице. Теперь он походил на измученного, страдающего неизлечимой болезнью человека. По лицу, напоминавшему теперь небо, затянутое темными тучами, то и дело пробегала судорога. Он целыми днями молча сидел и все время курил, иногда безотчетно грыз ногти, тяжело вздыхая; вдруг у него прорывались стоны, так что мы все вздрагивали. Иногда вскочит на ноги, как бы намереваясь подойти к Эгэ, а потом отойдет и безвольно усядется... Всего за несколько дней на наших глазах он совсем поседел.

Тогда-то до меня дошло, что я натворила.

А старуха с того часу слегла, больше не встала с постели.

Даже сейчас меня пронзает невыразимая тоска при воспоминании о тех холодных днях, когда люди из нашего стойбища не то что разговаривать между собой – даже посмотреть друг на друга избегали. Я уединялась на берегу реки, целые дни там плакала. Измученная от переживаний, ходила понурая, шаталась, словно пьяная. Расчесывая волосы Эгэ, я дро-

жащим голосом робко пыталась убедить ее, какой Дэрмэ ах, несмотря ни на что, красивый, сильный, как сверкают его зубы на солнце, что нет мужчин ему равных в наших краях. Но мои слова не доходили до ее слуха, не перебивали грустные мелодии страдающей флейты.

Как-то вечером, наплакавшись вдоволь, я набралась храбрости и призналась отцу с матерью, что за беду я натворила.

— Иного не остается, как вам убедить Эгэ, что Дэрмэ никакой не плешивый и совсем не косоглазый и не кривоногий.

Мама молча выслушала мои откровения, затем встала, схватила тонкий кожаный ремешок и принялась меня нещадно пороть.

— Зашить бы тебе рот. Что же ты учинила, окаянная! Это у тебя глаза закосились. Такого красного молодца так оговорить... Лысый, говоришь, умный он, от того у него такой лоб. Кто ты такая, чтобы болтать все, что взбредет в голову...

Но было уже поздно.

Эгэ не произнесла ни слова, когда Дэрмэ ах попрощался с ней. Так осенним холодным днем, когда в небе раздаются тоскливые журавлиные крики, Дэрмэ ах покинул наши края навсегда, оставив у нас свою любовь, надежду и молодые годы.

9

Как спущенная стрела, чуть ли не наперегонки пролетели два года. Я покидала родную юрту — уходила невесткой в чужой дом. Перед отъездом, наставляя младшую сестричку, как Эгэ косы заплетать, сказала:

— Остерегайся ненарком обидеть Эгэ! Она привыкла жить по своей воле, не противоречь ей. Если снова придут просить ее руки, не встречай, придержи язык за зубами. Ведь придет время, и ты выйдешь замуж, уедешь, она одиношенькой останется, кто тогда ей будет косы заплетать...

Расставаясь со стойбищем, попрощалась со всеми, собралась в дорогу, но перед самым отъездом, прежде чем вскочить на коня, не вытерпела, снова вбежала в юрту Эгэ, прижалась к ее груди, расплакалась. Немного успокоившись, подставила ей щеку для прощального поцелуя. Но она даже не шелохнулась. Увидела я ее посиневшие губы, испугалась, казалось, у нее вот-вот обморок случится. Тут ее посиневшие губы проговорили:

— Не нужно тебе замуж выходить. Разведется он с тобой, бросит тебя и возвратишься ты обратно в отцовскую юрту. Зря все это.

Услышав такое, я невольно вздрогнула, обидой кольнуло внутри. Однако сдержалась, достала вышитый мешочек для табакерки, отдала ей со словами: “Как бы то ни было, и вам надобно выходить замуж, подарите будущему мужу вот это”. Вручила мешочек и сама поцеловала ее. Но она так меня и не поцеловала, не шевельнулась вовсе. Я в нерешительности стояла перед ней, затем машинально обернулась к моему суженому — Очиру. А Эгэ, словно внезапно ставшая зрячей, взглянула на меня и ледяным тоном поинтересовалась:

— Отчего до сих пор ты мне ничего не рассказывала о своем женихе, как он выглядит? Скрываешь, что он красавец, для себя сберегаешь?

10

Пришло первое письмо от сестрички. После моего отъезда Эгэ совсем приуныла, еще глубже замкнулась в себе. Садилась, от всех отвернувшись, играла на флейте целыми днями и даже по ночам играла. Моим родителям это сильно не нравилось, но ничего они не могли с ней поделать. Уна еще с обидой писала, что Эгэ не очень любит, когда она ей расчесывает волосы.

После писем от Уны мне снились родные места, наша юрта, близкие и родные люди, оставшиеся в кочевье. Длинные черные косы Эгэ, струящиеся под знакомую мелодию флейты, вспотевшее лицо Высокой мамы, коричневый дэли матери, светло-гнедой иноходец дяди Пунцаг, мой отец, сидящий по пояс обнаженный и выделявающий сыромятную кожу... Но это были обрывочные картинки, расплывчатые образы — только лицо Эгэ являлось передо мной на удивление ясным, живым, во всем своем совершенстве. Часто она что-то мне говорила, манила к себе, все время пинала ногой какой-то камешек, как бы желая мне на него указать.

Сначала у нас с Очиром родился сын, через год дочь... Окруженная лаской и любовью, я была довольна жизнью, чувствовала себя счастливой. Тем не менее временами с тревогой вспоминались мне слова Эгэ о том, что буду брошена мужем, что суждено мне вернуться домой. А иногда, лежа в нежных объятиях мужа, вспомню вдруг Эгэ, кольнет в сердце и защитит внутри, виноватой почувствую себя, ведь это я обделила ее счастьем. Если бы не эти бередившие душу переживания, не было ни единой темной тучки на моем небосклоне.

Моя дочка научилась ходить, повсюду порхала, а я все более тосковала по матери, по Уне, по соседской красавице Эгэ, снились они мне все чаще. Нестерпимо захотелось выпорхнуть к ним из своего уютного гнездышка, в такие мгновения за-

мирала я у окна, всматриваясь в сторону родных кочевий, вздыхала. Однажды, пребывая в таком состоянии, вдруг ощутила, как новая жизнь шевельнулась внутри меня.

В тот вечер, радуясь вместе с Очиром предстоящему рождению третьего ребеночка, внезапно приняла я твердое решение отдать его усыновить Эгэ. “Пусть у нее будет дите, за ручку которого будет держаться”, — подумала я. Но о своем решении не осмелилась сразу сказать Очиру. Только упросила его, прежде чем буду рожать, успеть съездить к родителям, поклониться им, пускай старики понюхают темечко внучат. И мы с Очиром и детьми тронулись в путь, в мои родные края.

11

Спешившись у коновязи, обнявшись с моими милыми стариками устремилась я к Эгэ, сидевшей в тени юрты. Узнав мой голос, она вскочила было на ноги, но тут же уселась обратно с невозмутимым видом.

Когда я подошла к ней, она встала, молча обняла меня. А я, расчувствовавшись, тесно прижалась к груди красавицы, которая была для меня как старшая сестра, за которой я следовала с самого детства. Стояла с бьющимся сердцем, вдыхала ее знакомый, близкий запах, радость и печаль переполняли мне душу. Долго мы так стояли, не говоря ни слова, опомнилась я лишь тогда, когда сзади послышался чей-то голос. Тут только я проговорила: “Здравствуй моя дорогая Эгэ”. Но Эгэ, не ответив на мое приветствие, уверенным голосом спросила:

— Значит развелась с мужем, возвращаешься?

Я снова оторопела от неожиданности, снова неприятно кольнуло в душе, но, как и в прошлый раз, сдержалась, чуть уязвленно ответила:

— Ну что вы, я не одного, а целых трех Очиров привела с собой.

А потом обернулась к тому, который по-прежнему стоял за моей спиной, увидела его... и, о Боже, едва не вскрикнула от испуга.

На меня в упор смотрело омерзительное подобие человека. У него был мутный взгляд, он был кривоглаз, из глаз вытекал гной, лицо было черное как сажа, огромные, пожелтевшие зубы коряво торчали из несуразно большого рта. Правую щеку исковеркали два ужасающих шрама, непомерно длинные руки свисали до колен. У него были грязные, спутанные волосы, которых, наверное, никогда не мыли.

До тех пор пока это страшилище не удалилось, Эгэ не проронила ни слова. Затем с улыбкой спросила:

– Ну как, понравился он тебе? Мы уже два месяца живем в одной юрте. Твоя Эгэ теперь будет иметь ребеночка, – с гордостью объявила она, и голос у нее был счастливый.

12

Мы с Уной долго просидели на берегу реки Улзийт, я слушала ее печальную историю.

Этот мужчина из дальних мест, который искал свой пропавший скот, забрел к нам на стойбище, и, как когда-то Дэрмэ ах, увидев Эгэ, с той минуты, как спешился у коновязи, так ни на шаг от нее не отошел. Это случилось немного спустя, когда престарелая мать Эгэ отошла в мир иной. А отец, подавленный несчастной судьбой дочери, измученный ее непроступно твердым нравом, под грузом преклонных лет слег в постель. Так, в отсутствие старушки-матери, которая всегда отгоняла непрошенных гостей, забредший к ним пришелец остался у них, будто бы некуда было ему возвращаться.

Я даже не спросила у Уны, как зовут этого человека. Он почти ни с кем не разговаривал, людям в глаза смотреть избегал, целыми днями просиживал рядом с Эгэ, слушая мелодию ее флейты и иногда роняя слезы.

Однажды Эгэ спросила у Уны то же самое, что когда-то спросила у меня. Моя сестричка молчала, не знала, что ответить. Рассердилась Эгэ, прикрикнула:

– Скажи мне правду. Он ведь очень красив собой, не так ли? Только правду говори!

Растерявшаяся сестричка промямлила что-то утвердительно. Услышав ответ, Эгэ торжествующе рассмеялась. И еще спросила:

– Он красивее, чем муж твоей сестры, верно я говорю?

13

Мы с Эгэ стали общаться реже, не так, как раньше. Может, потому что у нее муж появился. Не знаю. Перед моим отъездом она всунула за пазуху моей дэли новенькую флейту:

– Ты почему перестала играть, хочешь меня позабыть, – сказала она недовольным тоном старшей сестры. Я подвела к ней сына, чтобы она поцеловала его на прощанье, но сын воспротивился, с испугом отбежал в сторону. Только доченька моя, веселая, приветливая, вся сжавшись, позволила себя поцеловать. Эгэ, поцеловав дочку, опять задала всегдашний вопрос: – А твоя дочка красивая?

После девяти месяцев беременности, когда Эгэ родила славенькую дочку, Бог, видимо, вспомнил о ней и возвратил ее очам свет, некогда отнятый у нее. Говорили, что ей вернулось зрение в ту минуту, когда она впервые дала грудь младенцу.

Много слез она пролила, когда увидела дряхлого, немощного отца, развалюху-юрту, дочку, едва явившуюся на свет, долго разглядывала флейту — единственную подругу ее незрелых лет.

Судьбе было угодно, чтобы Эгэ родила дочку, когда не отходивший от нее ни на шаг муж отправился в дальний путь по неотложным делам.

Теперь Эгэ целыми днями простаивала перед юртой, всматриваясь вдаль, в ожидании мужа.

Снова со всей округи потекли к стойбищу вереницы любопытных, поглазеть на прозревшую Эгэ. Ее красота после родов засверкала новыми гранями, расцвела оттенками, раннее не виданными. С величавостью ханши прохаживалась она по стойбищу, под очами приезжих молодцов, немилосердно растаптывая им сердца.

Так прошел месяц. Эгэ мужа все поджидала, волосы беспрестанно расчесывала, в зеркало неустанно смотрелась. Когда же она стояла принаряженная в новый дэли, излучая улыбку на белоснежном лице, каждый мужчина огорчался, что жена у него некрасива, а каждая женщина — что внешнестью не удалась.

Муж ее, получив весть чудесную, ушам поверить трудную, что жена стала зрячей, а сам он стал отцом, поспешил домой, коня не жалел, всю дорогу мчался...

Однако... как рассказывали позже, стоило Эгэ увидеть мужа своего, как она лишилась чувств и рухнула без памяти на землю.

Так еще один несчастливец обречен был на страдания бесконечные. На протяжении всей жизни Эгэ ни словом с мужем не обмолвилась. Да разве только это — с дочкой своей она жестоко обошлась, больше к ней не приближалась; имела бедняжка несчастье родиться вылитой копией отца.

По всей округе судачили, как многострадальный отец дорастил дочку до десяти лет. Рожденный уродом сей муж к жене, рожденной красавицей, больше не смел ни на шаг приблизиться, но не захотел и ни на шаг отдалиться. Безмолвно провел он возле нее десять лет и даже косо не посмотрел, слово крепкое ни разу ей не сказал. Пришелец нищий — муж отвергнутый, неприкаянно крутился в сторонке, тем и довольствовался, что из-за спины людей смотрел на свою обо-

жаемую Эгэ... А потом... Однажды зимой нашли его замерзшим в холодной степи.

А несчастную сиротку, которая, видимо, родилась от Бога и от черта, родители мои приютили, до человека доростили.

Действительно рожденную от Бога и от черта. Только неизвестно, кто был Богом, а кто — чертом.

А я ни разу не играла на той флейте, хотя до сих пор бережно ее храню. Флейту, подаренную мне “красавицей сестрой”, кому как, а для меня — богиней.

Эпилог

Давным-давно жили-были старик со старухой и была у них дочка. Души они не чаяли в дочке единственной, красавице писаной, сердечности небывалой. Но в один несчастный день она вдруг ослепла...

Ох, дорогой читатель, читатель вы мой! Знали бы вы, как рождаются сказки и легенды!